

«НАРОДНАЯ ЛИНГВИСТИКА» В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

М.Р.Шумарина

“FOLK LINGUISTICS” IN THE RUSSIAN PROVERBS AND SAYINGS

M.R.Shumarina

Балашовский институт (филиал) Саратовского государственного университета имени Н.Г.Чернышевского, mshumarina@yandex.ru

Пословицы и поговорки отражают «народные» представления о языке и речи, обобщают знания о речевом общении, содержат наблюдения над типичными проявлениями коммуникативного поведения, дают ему оценку и предлагают инструкции о правильном использовании речи. Паремии характеризуются потенциальной полимодальностью, и в зависимости от контекста одна и та же пословица может реализовывать различные модальные значения.

Ключевые слова: *наивная лингвистика, метаязыковая рефлексия, пословица, поговорка, семиотические оппозиции, полимодальность*

Proverbs and sayings about language and speech accumulate knowledge in the field of so-called “folk linguistics”. Proverbs summarize observations of typical behavior in different communicative situations and formulate directions of correct behavior. Some ideas of folk linguistics are regularly repeated in sayings, for example, the tongue personifies speech and language. First of all, it operates independently and does not always obey the speaker. Secondly, the tongue itself directs people. Thirdly, according to folk linguistics, it has a lower value than work and silence. Sayings sometimes contradict each other, since people have different opinions about the correct verbal behavior. Proverbs have potential polymodality, and in different contexts they can express different modal meaning.

Keywords: *folk linguistics, metalinguistic reflection, proverb, saying, semiotic oppositions, polymodality*

Известно, что пословицы и поговорки являются средством конденсации социального опыта и трансляции этого опыта последующим поколениям. «Не всякое изречение становилось пословицей, — отмечал В.П.Аникин в предисловии к словарю русских пословиц и поговорок В.П.Жукова, — а только такое, которое согласовывалось с образом жизни и мыслями множества людей» [1]. Другими словами, в паремиях закрепились те идеи, образы, суждения, представления, которые прошли через фильтр коллективного сознания и оценены им как абсолютные, неоспоримые и наиболее важные для всех истины. В текстах устного народного творчества хранятся представления фольклорноносителя о языке и речи, которые можно было бы назвать «фольклорной лингвистикой», или «народной лингвистикой». Эти представления — важный фрагмент наивной картины мира, в нём аккумулируются и суждения лингвофилософской направленности, и наблюдения над фактами языка, и своеобразные инструкции о правилах поведения [2].

Пословицы и поговорки обобщают знания о коммуникативном поведении, выражая одновременно и его разноаспектную оценку. Так, критике подвергается неумелая речь, которая часто описывается через «ухудшающее» сравнение или метафору: *Долго не говорит — ум копит; а вымолвит — слушать нечего; У него слово слову костыль подает; Да выплюнь, не жевалиши!* А речь умелая и уместная получает как социальную, так и эстетическую оценку: *И слово — золото, и молвится к месту; Ваши слова — хоть в Библию, а наши и в татарские святыцы не годятся;*

Сидит, как свеча горит, говорит, что рублем дарит; Чиста, личиста, да и говорить речиста.

Пословицы отражают одно тонкое наблюдение: «красное словцо», то есть речь, имеющая эстетическое задание, обладает собственными законами организации: эстетическая мотивированность содержания может вступать в противоречие с любыми реальными обстоятельствами и «подавлять» все иные соображения, кроме «красоты слога»: *Для красного словца не пощадит ни матери, ни отца.*

Особо отмечает фольклорное сознание умение говорить «без запинки», способность к быстрым речевым реакциям: *И шьет и порет, и лошит и плющит [языком]; Языком плетет, что коклюшками; За словом в карман не полезет; Пасеное словцо за щечкой.*

Примечательно, что при несомненной экспрессии таких выражений они не обладают однозначной оценочностью, а являются в этом отношении амбивалентными: могут — в зависимости от речевой ситуации — выражать и восхищение бойкой речью собеседника, и осуждение его болтливости.

И.М.Снегирёв, характеризуя содержательные особенности пословиц и поговорок, отмечал, что паремии «содержат в себе гигиенические правила и патологические наблюдения» [3], т.е. в них даются рекомендации о правилах общения и приводятся наблюдения над отклонениями от нормы. Ср., например, сформулированные в пословицах рекомендации, согласно которым речь должна быть содержательной (*Хорошо говорить, да было бы чего слушать*), лаконичной (*Не то мудрено, что переговорено, а то муд-*

рено, что не договорено); при этом следует избегать необоснованных суждений (*Сперва рассуди, а там и осуди*), в беседе должна соблюдаться очередность (*Петь хорошо вместе, а говорить порознь; Один говорит — красно, двое говорят — пестро*), необходимо демонстрировать доброе отношение к собеседнику (*От приветливых слов язык не отсохнет; Ласковое слово и кость ломит*) и контролировать, анализировать процесс коммуникации (*На грубое слово не сердись, на ласковое не сдавайся!*).

Пословица тонко подмечает особенности типичного речевого поведения людей в различных коммуникативных ситуациях (*Во хмелю что хошь намелю, а проснусь — отопрусь*), разоблачает манипулятора (*Мягко стелет, да жестко спат; Хорошо ты играешь, да мне плясать неохота*), отмечает спонтанность речевых действий, неконтролируемость речи сознанием (*Язык мягок: что хочет, то и лопочет; чего не хочет, и то лопочет; Язык наперед ума рыщет; Как сорвалось, так и совралось; Как станет городить — себя не помнит, людей забывает*) и т.д.

Относительная самостоятельность языка, его автономность от сознания приводит к тому, что некоторые речевые действия могут совершаться необдуманно, даже вопреки интересам говорящего (*Язык мал, великим человеком ворочает; Зубы да губы — два запора, а одного языка удержат не могут; Слово не воробей — вылетит не поймаешь*). Д.Ю.Полиниченко характеризует эту особенность представления языка в русских пословицах как специфическую особенность русской языковой ментальности [4].

В.З.Демьянков обращает внимание на то, что в ряде фразеологических единиц типа *проситься на язык, вертеться на языке, (быть) на языке, сорвалось / слетело (слово) с языка* выражено значение 'невольно сказать то, о чем иногда лучше бы и помолчать', и «виновником при этом признается не человек, не его язык и даже не "оно" (черт, нечистая сила), а самопроизвольно возникающая мысль» [5]. Добавим, что эта мысль, видимо, подчиняется собственной логике развития дискурса, при этом тематическая организация речи носит гибкий характер, собеседники могут включать в разговор микротемы, отклоняющиеся от основной темы, но связанные с ней факультативными ассоциативными связями. Наблюдательный носитель фольклора фиксирует эту особенность свободного дискурса в паремиях: *К слову пришлось* [т.е. 'не собирался говорить об этом, но сложились такие коммуникативные условия, что данное сообщение оказалось кстати']; *К пиву едется, к слову молвится; К пиву пошло, к слову молвилось* и т.п. Непроизвольность, нерегулируемость речи приводит к тому, что речь как бы продуцируется «сама», без участия говорящего, которому принадлежит лишь инициатива начала разговора: *Слово слово родит, третье само бежит*. Будучи произнесенным, слово продолжает жить своей жизнью и не подвластно человеку: *И дорого б дал за словечко, да не выкупишь; Сказанное слово в кадык назад не ворочается; Свинья скажет борову, а боров всему городу*.

Особым вниманием в паремиях пользуется коммуникативное поведение женщины, которое часто

получает в фольклоре отрицательную оценку и маркировано как отклоняющееся от стандарта (эталонно признается, конечно же, мужской тип поведения): *Курица гогочет, а петух молчит; Смирен топор, да веретено бодливо* и т.п. В пословицах и поговорках отмечаются такие черты коммуникативного поведения женщины, как высокая вербальная активность, склонность к коллективным обсуждениям (*Три бабы — базар, а семь — ярмарка; Говорить — десятерых отставить, да её одной приставить*), несамостоятельность в суждениях, склонность к некритическому восприятию и бездумному распространению информации, неумение хранить секреты (*Баба что мешок: что положишь, то и несет; Баба что горшок: что ни влей — всё кипит; Не ждет баба спросу, сама все расскажет*), непостоянство женщины в ее решениях, ответах, обещаниях (*Меж бабым «да» и «нет» не проденешь и иголки; Женские умы — что переметные сумы*), сварливость, особое неистовство в перебранке (*Собака умней бабы: на хозяина не лает; Ветер пошумит — да устанет, баба расходится — не скоро уймешь; Ну и брехливы у вас девки в деревне — я насилиу семерых одна перебрехала*), неспособность к мирному сосуществованию — в отличие от мужчин (*Семь топоров вместе лежат, а две прялки врознь*).

В паремиях отмечается существование специфически женского коммуникативного инструментария, к которому относятся лесть (*Женская лесть без зубов, а с костями сгложет; Жена льстит — лихо мыслит*), слёзы (*Женский обычай — слезами беде помогать; Без плачу у бабы дело не спорится*) и «бабы увёртки», то есть хитрости, уловки (*У бабы семьдесят две увёртки в один день; Нет в лесу столько поверток, сколько у бабы увёрток*).

«Мужское» и «женское» коммуникативное поведение противопоставлено в паремиях как «хорошее» и «плохое», «эталонное» и «девиантное», «разумное» и «глупое».

В пословицах отразилось представление народа о регулятивной функции речи, об особой силе слова (*Мал язык, а горами качает; Язык — стяг, дружину водит*), которое может быть и опасным оружием (*Бритва скребет, а слово режет; Слово не стрела, а сердце сквозит; Не пройми копьём, пройми языком!*). Роль языка, который может быть источником как благ, так и несчастий, отмечается во многих паремиях (*Язык поит и кормит, и спину порет; Язык мой — враг мой: прежде ума рыщет, беды ищет; Ты, язычок, смалчивай: за тебя я бедку плачивал* и т.п.).

Примечательно, что в метаязыковых пословицах нередко высказываются противоположные мнения. Так, наряду с суждениями о могуществе слова обнаруживаются и утверждения о его ограниченных возможностях: *От слова не сбудется; Словом человека не убьешь; Слово не обух, в лоб не бьет; Не все бывает, что люди бают* и т.д. В этом проявляется амбивалентность коллективного (фольклорного) метаязыкового сознания, которое допускает противоречащие друг другу мнения и оценки. С одной стороны, в суждениях типа *Язык царствами ворочает* проявляется склонность к эмоциональной оценке, к гиперболизации подмеченной закономерности, а с другой

— паремии типа *Словом с ног не повалишь* выражают рациональный подход к оценке явления.

Подобная амбивалентность проявляется и в наличии пословичных высказываний, которые представляют собой возражения на некие распространенные в фольклорном социуме представления. Так, Н.Б.Мечковская отмечает: «У Даля в Словаре есть речение: *Грамота не колдовство*... Но, как известно, всякое отрицание возникает позже утверждения: *Грамота не колдовство* — это возражение тому, для кого *грамота — колдовство*» [6]. Вообще ведущим семантико-композиционным принципом организации пословиц является принцип противопоставления: «Подлинной темой какой-либо пословицы или поговорки является не то или иное слово, не та или иная мысль и даже не та или иная область человеческой деятельности, а некоторая инвариантная пара противопоставленных сущностей, к которой сводится смысл употребляемых в данной пословице образов» [7]. Другими словами, пословицы часто представляют собой возражения на некие распространенные мнения, поэтому их можно считать иллюстрацией к «дискуссионным вопросам» общественного метаязыкового сознания.

Паремии метаязыковой тематики позволяют выявить значимые для фольклорного социума семиотические оппозиции. Это, во-первых, оппозиция «слово — дело»: *Меньше говори, больше делай; Не все то варится, что говорится; На словах что на гусях, а на деле что на балалайке; Горлом изба не рубится; Вранья на зуб не положишь* и мн. др. Соотношение слова и дела является важным параметром оценки личности: *Не та хозяйка, которая говорит, а та, которая щи варит; По разговорам всюды, а по делам никуды; На словах его хоть выпись, а на деле и головы не приклонишь* и т.д. Другая оппозиция — «речь — молчание». В данном сопоставлении речь может ассоциироваться с многословием и пустословием, которые оцениваются резко отрицательно: *Думка чадна́, недоумка бедна, а всех тошней пусто-слов; Мелева много, да помолу нет; Лучшие не договоришь, чем переговорить* и т.д. Многословие не только не свидетельствует о большом уме (*И сорока говорит*), но и является опасным: *Меньше говорить — меньше греха; Бойся вышнего, не говори лишнего!* Более высокой оценки заслуживает умение промолчать (*Умное слово — серебро, молчание — золото*), которое ассоциируется с житейской мудростью (*Кто говорит, тот сеет, кто слушает, тот собирает*), с предусмотрительностью и даже с умением извлекать житейскую выгоду (*Сказал краснó — по избам пошло, а смолчится — себе пригодится; Кстати смолчал, да и вымолчал*).

Деление пословиц на «наблюдения» и «инструкции» достаточно условно, оно основывается в большей мере на формальных признаках предиката: значениях объективной модальности, синтаксического наклонения и времени. Например, пословица *Не давши слово — крепись, а давши — держись* может квалифицироваться как «правило поведения», поскольку в ней присутствуют формы императива *крепись, держись*. Пословицу *Кто много говорит, тот*

мало делает логично отнести к «наблюдениям», поскольку здесь используется настоящее постоянное время, при помощи которого выражается положение дел, имеющее место «всегда». Однако здесь нужно сделать два существенных уточнения. Во-первых, одна и та же грамматическая форма может соответствовать разным иллокутивным намерениям говорящего. Так, пословица *Лучше ногою запнуться, нежели языком* может быть интерпретирована двояко: 1) как общее наблюдение: «неумелая речь обычно доставляет (может доставить) большие неприятности, чем физическое препятствие (неуклюжесть)»; 2) как совет: «необходимо в большей степени следить за своей речью, чем за физическим поведением». Во-вторых, в конкретной речевой ситуации пословица может использоваться и как констатация факта (например, *Коротка молитва «Отче наш», да спасает* — как реакция на рассказ о чьем-либо чудесном спасении), и как совет (та же пословица как рекомендация прибегать к молитве в трудных обстоятельствах). Видимо, для семантической организации пословицы вообще характерна полимодальность: ее пропозитивный компонент, с одной стороны, служит объектом **утверждения** (реальная модальность) как проверенная временем **общая истина**, а с другой, — интерпретируется как **желательное** поведение (ирреальная модальность) в **конкретных** обстоятельствах. В зависимости от коммуникативной ситуации одно из этих модальных значений актуализируется, а другое реализуется как фоновое.

Таким образом, пословицы и поговорки как средство выражения представлений о языке обладают рядом особенностей: 1) объектом наблюдения и метаязыковой оценки в паремиях является речь, повседневная коммуникативная деятельность, в которую включен коллективный автор; 2) реконструируемые на основе изучения паремий метаязыковые представления не только эксплицированы в виде пословичных суждений, но и присутствуют в коллективном сознании фольклорноносителей в виде прагматических presupпозиций, мнений, реакциями на которые служат пословицы и поговорки; 3) в семантике пословицы содержится в свернутом виде целая парадигма модальных и оценочных значений, которые выборочно реализуются в речи в соответствии с иллокутивными намерениями говорящего; 4) модальной константой всякой пословицы является ее безусловная истинность, которая подтверждается авторитетом выраженного в ней общего мнения.

1. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 2000. С. 6.
2. Шумарина М.Р. Метаязыковая рефлексия в фольклорном тексте // Филологические науки. 2010. № 5-6. С. 56-65.
3. Снегирёв И.М. Русские народные пословицы и притчи, издаваемые И.М.Снегиревым. М., 1848. С. XX.
4. Полинченко Д.Ю. Язык // Антология концептов. М.: Гнозис, 2007. С. 247.
5. Демьянков В.З. Лексема язык в художественных произведениях А.С.Пушкина // A.S.Puškin und die kulturelle Identität Rußlands. Frankfurt am Main etc., 2001. С. 125.
6. Мечковская Н.Б. Язык и религия. М.: ФАИР, 1998. С. 72-73.

7. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. С. 107.

References

1. Zhukov V.P. Slovar russkih poslovic i pogovorok [Dictionary of Russian proverbs and sayings]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 2007, p. 247.
2. Shumarina M.R. Metajazykovaja refleksija v folklornom tekste [Metalinguistic reflection in a folklore text]. Filologičeskije nauki [Philological sciences], 2010, no. 5-6, pp. 56-65.
3. Snegirjov I.M. Russkie narodnye poslovice i pritchi, isdavaemye I.M.Snegirjovym [Russian proverbs and parables, published by I.M. Snegirev]. Moscow, 1848, p. XX.
4. Polinichenko D. Ju. Jazyk [Language]. Antologija konceptov [Anthology of concepts]. Moscow, Gnozis Publ., 2007, p. 247.
5. Dem'jankov V.Z. Leksema "jazyk" v hudozhestvennyh proizvedenijah A.S. Pushkina [The lexeme "the tongue" in literary works by Alexander Pushkin]. A.S. Pushkin und die kulturelle Identitat Ruslands. Frankfurt am Main etc., 2001, p. 125.
6. Mechkovskaja N. B. Jazyk i religija [Language and religion]. Moscow, FAIR Publ., 1998, pp. 72-73.
7. Permjakov G.L. Osnovy strukturnoj paremiologii [Fundamentals of structural paremiology]. Moscow, Nauka Publ., 1988, p. 107.